

Когда есть такая болезнь, как онкология, — многолетняя, многомесячная, и все родственники больного об этом знают, — жизнь человека сразу меняется. Появляется возможность повиниться, попрощаться, доцеловать. В такой болезни есть свое достоинство — время. А в мгновенной смерти времени нет, а значит, и нет возможности что-то исправить.

*Вера Миллионщикова,
главный врач Первого московского хосписа*

Кто-нибудь когда-нибудь прочтет и станет весь как первое утро в незнакомой стране.

Владимир Набоков

ЧАСТЬ I

Кларисса искренна — вот. Питер сочтет ее сентиментальной. Она сентиментальна — действительно. Потому что она поняла: единственное, о чем надо говорить, — наши чувства. Все эти умничания — вздор. Просто что чувствуешь, то и надо говорить.

Вирджиния Вулф, «Миссис Дэллоуэй»

Не дари мне на память пустыни — все и так пустою раззято!

Федерико Гарсиа Лорка

1

У меня ничего нет, кроме себя самой. Все, что было, осталось *там*. Теперь не разделяю время на прошлое, настоящее, будущее. Только сегодня — в нем одном начало, продолжение и, скорее всего, конец моей жизни. Календарь с одной страницей. Так лучше. Трезво оцениваешь то, что имеешь на данный момент. Не ог-

лядываешься назад и не заглядываешь вперед. Никакого самообмана. Иллюзия — это далеко не надежда, а надежда не всегда реальность. Это не пессимизм. Принимаю жизнь как она есть. В немецком языке есть слово «hassliebe». Если по словарю, то оно переводится как «чувство, колеблющееся между любовью и ненавистью». Вот такое чувство я испытываю к каждому своему «сегодня».

* * *

По вечерам я хожу за печеньем. Миндальным. Любимым с детства. В круглосуточный магазин в соседнем квартале. Там вечно мокрый кафельный пол и продавщица с печально-влажными глазами. Однажды я не выдержала, спросила: «У вас все хорошо?» Она ответила с беспросветным разочарованием в голосе: «Такого не бывает, девушка». В тот миг я поняла абсурдность своего вопроса и правдивость ее ответа. «Все» никогда не бывает: если повезет, то достанется хотя бы четвертинка.

Миндальное печенье в этом магазине идет нарасхват. Домашнее, хрустящее, со сладкой горчинкой. Каждый день в полдевятого утра его

приносит сюда пожилая иммигрантка из Европы. Складывает в кондитерском отделе семь бумажных мешочков с ароматным содержимым, получает деньги за вчерашние проданные и уходит. На прошлой неделе я встретила ее в дверях магазина. Как я ее узнала? По запаху жареного миндаля. У нее не было левой руки. А еще она улыбалась.

* * *

Я прилетела сюда, когда *там* для меня все закончилось. Один чемодан вещей, одна вечная непогода за спиной, одна я. Здесь тоже часто дожди, по ночам в основном, зато по утрам — солнце. Даже в январе. В этом городе нет углов. Повезло. Острота углов врезается в меня остротой воспоминаний — больно. Хотя, казалось бы, почему должно быть больно, если прошло? Овальные дома, оральные улицы, оральные светофоры. И оральная набережная. Отдушина. Только с морем не молчу. Со всеми остальными, на работе к примеру, говорю по надобности. Перед сном сижу на подоконнике, смотрю на пустую улицу. Пью чай с печеньем, думаю о странном. Например, о том, что люблю случайных людей. С ними у меня всегда

много совпадений. А еще о том, что забыла о страхе потерять. Может быть, из-за того, что уже все потеряла?

2

Я умираю. Верно, конечно, то, что мы все умираем, но я знаю примерно, сколько мне осталось. Недолго. Совсем не страшно. Когда времени в обрез, глупо тратить его на сожаления, страхи, страдания. Неправда, что в таком положении оставшееся количество дней пытаешься насытить тем, чего было мало или вовсе не было *до этого*. Абсолютно нет. Хочется обычной жизни, некой середины между повседневностью и жизнью в целом. Дышать ленивым вечерним бризом, пить кофе на открытых верандах, смотреть в глаза жизни и не задаваться вопросом «А вдруг это неправда?». Вполне себе обычные желания, ничем не примечательные, не драматичные.

Для меня моя болезнь — не приговор, как принято о ней думать. Я не подсудимая, я не приговоренная, чтобы меня отправляли на эшафот и, насильно пригнув голову, набрасывали на шею петлю. Услышав диагноз, я не заплакала. Посмотрела на врача с аккуратно зачесанной на-

зад сединой и сухо спросила: «Почему так рано?» Дура. Ты черт знает какая по счету пациентка с подобным диагнозом, поэтому сил на философию, поддержку у него уже не остается. Конвейер завершающихся человеческих жизней. Он развел руками, заговорил о возможностях современной медицины. Я отказалась: «Не смешите, доктор! Какая там у вас нанотерапия?! Не такие вы умные, чтобы обманывать судьбу!»

Вышла из клиники в раннюю весну. Мне вдруг захотелось набрать в пакет этой окрыляющей погоды, надеть его на голову и потуже завязать под подбородком. Надышаться до одури, до полного ощущения свободы. Я улыбнулась и в этот миг нашла ответ на вопрос, заданный врачу. Мое время жизни подошло к концу. Быть может, оно продолжится в другом месте, в другом обличье. Отпустить — не значит сдаться. Чаще всего это единственное верное решение, победа над обстоятельствами.

* * *

Я сняла квартиру в ста пятидесяти двух шагах от набережной. Две крошечные комнаты и два больших французских окна. Они исцарапа-

ны с внешней стороны лезвием морозных ветров. Хозяйка признается, что квартира пустует практически весь год, только летом сюда вселяются туристы. «В квартале наш дом называют “Сердце ветра”. Он, сорвавшись с набережной, буквально врывается сюда. Именно в окна моей квартиры, подлец. Стучится, царапает их, ревнует, если кто-то здесь живет, кроме меня. Я не выдержала, в прошлом году переехала отсюда. Не пугаю — заранее предупреждаю, чтобы потом вы не убегали, требуя деньги назад». Протягиваю хозяйке обговоренную сумму и снимаю с окна плакат «Сдается. 818-34-567-0, Сулеме».

В глазах Сулеме нет точки опоры, в них ветер Буэнос-Айреса, где она родилась, полюбила, похоронила двух дочерей и откуда бежала в Овальный город, чтобы похоронить себя *прежнюю*. Мы с ней в какой-то мере отражение друг друга, но я об этом молчу. Для нее хочу остаться рядовой туристкой, любительницей загорелых мужчин с порослью на груди, ищущей приключений на свою белую задницу. А как иначе? Не скажу же я ей: «Сулеме, я приехала сюда умирать». Никогда не забуду первую ночь в «Сердце ветра». Так хорошо мне давно не спалось. Посреди ночи проснулась выпить воды. Вышла на балкон. Там между ветками дерева с

кривым массивным стволом висела луна. Она напоминала елочную игрушку, светящийся шар. И я вспомнила имбирные печенья бабушки на Новый год. Детство — это единственное, по чему я скучаю. Вру. И еще по нему.

* * *

После работы спешу на эстакаду. Она уходит глубоко в море, нужно около получаса, чтобы пройти до ее конца. Туда мало кто доходит — незачем и опасно. Даже в безветренную погоду там волны — обязательно смочат волосы, зальются в туфли. Такого красноречивого моря я еще не встречала. Оно сине-зеленое, пенистое, угрюмое. Рыбаки не любят его за мутное нутро, разорванные сети. В нем много рыбы, но оно не хочет от себя что-либо отрывать. «Мне от тебя ничего не нужно, слышишь?! Я просто посижу рядом». Старая сырая скамейка эстакады, ветер закрывает мне лицо моими же волосами. Мысленно окунаюсь в дни, которые не до конца осознала, чтобы отпустить. В Овальном городе мне предстоит вернуться туда, откуда пришла. Отпуская прошлое, не раз совершаю бесконечный круг, в котором стрелки, доходя до конца, начинают путь сначала. Но каждый раз этот

путь другой — легчает, освобождаюсь, и дорога уже не кажется такой утомительной, как в прошлый раз. Вот оно — то самое исцеление перед долгожданной остановкой.

Ноги промокли. Но я не боюсь холода.

3

Я постриглась почти наголо. Купила машинку, скосила свои рыжие волосы — полегчало. Волосы тоже воспоминания. В детстве бабушка Анна, расчесывая их, говорила, что они — оранжевый океан. «Ты вся в прабабку. У нее тоже были такие же густые, сильные локоны. И цвет не яркий, а темный, насыщенный». В последнее время мои волосы поблекли, потеряли силу. Жалкая пародия на былую гордость. Теперь их нет. Теперь многое иначе. Но мне бы кое-что из того времени: хочу, чтобы все было просто и ясно, как тогда, чтобы было понятно, что и для чего. Сейчас приближаюсь к чему-то иному — совсем не похожему на привычные пути. Хотя, может, это заурядное стечение обстоятельств без каких-либо потайных смыслов. Обычная прогулка по нечетной стороне улицы.

В *том* времени я любила всего лишь одну улицу — Белесой Офелии (так ее назвала про себя), ставшую для меня теплой, как махровый халат. На ее поворотах поняла, как сильно люблю его. Я тогда молодая была, романтичная, покупала для фантазийных летящих платьев шифон и мечтала увидеть, как за две недели до календарной весны распускаются крокусы в Лондоне. И вот на той самой улице Офелии мы с ним, тогда вроде бы друзья, были на каком-то мероприятии. Он пил, улыбался мне сонно, а я, трезвая и влюбленная, смотрела на него, такого вольного и открытого, желая сказать: «Отпусти себя. Не бойся, я поймаю». Потом мы вышли в ночь цветущего мая, переступили через клубок смятых вчерашних газет, я остановила такси и уже сажала его, нетрезвого, в машину, как вдруг он схватил меня за руку: «Поехали со мной. Пожалуйста». И я поехала. В машине он положил голову мне на колени, заснул. А я не выдержала и поцеловала его в висок. В тот самый миг, когда водитель свернул на Воскресную площадь.

Собираю волосы, которые он любил, в пакет из-под яблочных чипсов, заворачиваю и бросаю в мусорное ведро.